

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ АРТИСТА А. А. НИЛЬСКАГО ¹⁾.

(Провинція).

IV.

Отъездъ въ Нижній Новгородъ.—Яхть-клубская фуражка Бурдина.—Опоздали!—Нижегородская труппа.—Гастроли Бурдина.—Мой дебютъ.—Девять репетицій въ одинъ день.—Антрепренеръ Смольковъ.—Его отношенія къ театру.—Проездъ черезъ Нижній Новгородъ императора Александра Николаевича.—Торжественный спектакль.—Участіе въ немъ Бурдина.—«Торжество добродѣтели».

ИЗЪ Рыбинска мы отправились въ Нижній Новгородъ на пароходѣ. Для меня, впервые видѣвшаго Волгу, поѣздка эта доставила громадное удовольствіе, гораздо большее, нежели наши гастроли, на которыя такъ много возлагалось надеждъ и которыя ничуть ихъ не оправдали, ни въ матеріальномъ отношеніи, ни въ отношеніи успѣха.

Бурдинъ, усаживаясь на пароходъ, замѣнилъ свою шляпу форменной позументной фуражкой яхть-клуба, тогда только-что народившагося въ Петербургѣ. Онъ былъ членомъ этого спортоваго кружка, хотя въ морскомъ спортѣ никогда не принималъ ни малѣйшаго участія.

— Зачѣмъ вы, Федоръ Алексѣевичъ, перерядились?—спросилъ я его.

— Ну, всетаки, лучше... спокойнѣе...

— Въ какомъ отношеніи спокойнѣе?

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIV, стр. 121.

— Имѣя видъ моряка, я могу пользоваться въ извѣстныхъ случаяхъ авторитетомъ...

— На что вамъ этотъ авторитетъ?

— Въ моемъ присутствіи не позволять какихъ либо небрежностей или задержекъ...

Вскорѣ послѣ этого объясненія, когда мы съ нимъ сидѣли на палубѣ парохода и любовались живописными волжскими картинами, къ нему подсаживается лоцманъ и заводитъ фамиллярный разговоръ:

— Куда? Домой?

— Что?—переспросилъ Бурдинъ, состроивъ брезгливую гримасу и отодвигаясь отъ него въ сторону.

— Домой, говорю, на побывку ѣдешь, что ли?

— Ахъ, ты, негодяй!—вскрикнулъ Ѳедоръ Алексѣевичъ.— Не видишь, что ли, грубіянь неотесанный, съ кѣмъ разговариваешь? Да я тебя...

Лоцманъ испуганно вскочилъ съ мѣста и, сознавая свое ошибочное предположеніе о Бурдинѣ, какъ о шкиперѣ, дрожа, произнесъ умоляющимъ голосомъ:

— Виновать, ваше превосходительство!..

— Ну, то-то!..

Отскочивъ отъ Бурдина, лоцманъ бросился со всѣхъ ногъ бѣжать на носъ парохода, замѣтивъ мимоходомъ одному изъ парходныхъ служащихъ:

— Ахъ, чтобъ его! На адмирала нарвался!..

Вслѣдъ за этимъ инцидентомъ послѣдовалъ второй. На кормѣ парохода сидѣла группа мужиковъ и бабъ, изъ которыхъ одна была съ такимъ беспокойнымъ ребенкомъ, что пассажиры просто изнемогали отъ его непрерывнаго плача. Прогуливаясь по палубѣ, Бурдинъ какъ-то приближается къ кормѣ, гдѣ его окликаетъ мать этого ревуна:

— Эй, милый человекъ, подь-ка сюды...

— Что тебѣ?

— Попужай, сдѣлай милость, младенца... Онъ такихъ-то боится...

— Экая ты дура!—отвѣтилъ Ѳедоръ Алексѣевичъ.— Чѣмъ же я страшень?

— Будто баринъ...

Бурдинъ усмѣхнулся, отошелъ и глубокомысленно мнѣ замѣтилъ:

— Вотъ оно, уродское воспитаніе. Съ малыхъ лѣтъ вооружаютъ мальчишку противъ господина. Развѣ можно ребенка бариномъ пугать?!

Хотя Бурдинъ и увѣрялъ меня, что «дѣло въ шляпѣ», то-есть, въ яхть-клубской фуражкѣ, однако дорогой было много задер-

жекъ, и пароходъ нашъ прибылъ въ Нижній Новгородъ съ опозда-
ніемъ на полсутки. Мы пріѣхали въ десять часовъ вечера того
дня, когда Бурдинъ долженъ былъ участвовать въ комедіи «Бѣд-
ность не порокъ». Проѣзжая по улицамъ къ гостинницѣ, мы ви-
дѣли расклеенныя по городу громадныя афиши, извѣщавшія по-
чтеннѣйшую публику о первомъ гастролѣ петербургскаго артиста
Ө. А. Бурдина.

Намъ потомъ передавали, что антрепренеръ Смольковъ впро-
долженіе всего дня испытывалъ танталовы муки. Онъ поставилъ
на пристани дежурныхъ, на обязанности которыхъ лежало до-
ждаться парохода и тотчасъ же извѣстить его о прибытіи гастро-
лера. Раза два-три онъ самъ ѣздилъ на берегъ и, наконецъ, пе-
редъ самымъ спектаклемъ поручилъ роль Любима Торцова актеру
Башкирову, уже неоднократно ее игравшему. Противъ чаянія, ни-
какой демонстраціи со стороны публики въ театрѣ сдѣлано не
было, и спектакль прошелъ благополучно.

Съ слѣдующаго дня начались правильные гастроли Бурдина,
а вскорѣ затѣмъ и мои.

Нижегородская труппа въ тотъ годъ была велика. Въ ней на-
ходились, временно, извѣстный московскій трагикъ Корнелій Ни-
колаевичъ Полтавцевъ, артистка московскаго Малаго театра Ни-
кулина-Косицкая, служили бывшая артистка Александринскаго
театра Баранова, Востоковъ и мн. др., въ большинствѣ очень да-
ровитыя личности. Вообще нижегородскіе спектакли въ то время
пользовались большимъ успѣхомъ и, благодаря участию въ нихъ
талантливыхъ исполнителей, славились по всей Волгѣ. Немного
позже изъ Рыбинска перекочевалъ къ Смолькову же и И. Ө. Гор-
буновъ. Потомъ пріѣхалъ А. Н. Островскій, прогостившій въ на-
шемъ обществѣ продолжительное время.

Въ Нижнемъ Новгородѣ Бурдинъ имѣлъ несомнѣнный успѣхъ.
Зрители отнеслись къ нему очень сочувственно и аплодировали
ему старательно. Онъ былъ, разумѣется, очень доволенъ и нахо-
дилъ, что Нижній Новгородъ несравненно театральнѣе Рыбинска,
и публика гораздо культурнѣе, вполне развитая до степени пони-
манія драматическаго искусства.

— Поиграйте и вы!—совѣтовалъ мнѣ Өедоръ Алексѣевичъ.—
Раскаяться не придется. Я сегодня же натравлю на васъ Смоль-
кова, и онъ васъ нынче же пригласитъ гастролировать.

Дѣйствительно, Смольковъ въ тотъ же день сдѣлалъ мнѣ предло-
женіе принять участіе въ его спектакляхъ, но съ такимъ микро-
скопическимъ вознагражденіемъ, которое едва-едва окупало скром-
ные дневные расходы.

Для перваго дебюта я выбралъ водевиль графа Сологуба «Бѣда
отъ нѣжнаго сердца». Являюсь на репетицію. Нѣкоторые стара-
тельные исполнители свои роли знали, а немногіе, и въ томъ

числѣ Башкировъ, которому была поручена роль старика Золотникова, говорили все время по суфлеру.

— Такъ нельзя,—замѣтилъ я послѣднему,—непремѣнно нужно выучить роль.

— Выучу, не беспокойтесь.

— Смотрите же, въ противномъ случаѣ я откажусь отъ участія, потому что не намѣренъ ставить себя въ неловкое положеніе передъ зрителями, которые меня совершенно не знаютъ. Я, какъ и всякій артистъ, дорожу первымъ впечатлѣніемъ.

— Да ужъ ладно, выучу...

Наступаетъ день спектакля. Начинается репетиція. Слѣжу за Башкировымъ и вижу, что онъ не произноситъ ни одного живаго слова, между тѣмъ у меня съ нимъ самыя большія и выигрышныя сцены.

— Какъ же вы,—говорю ему,—обѣщали выучить роль?

— Выучу... не беспокойтесь...

— Помилуйте, какъ же не беспокоиться. Вѣдь я являюсь главнымъ страдательнымъ лицомъ.

— Къ спектаклю знать буду.

Я потребовалъ на сцену антрепренера и объявилъ ему, что при такихъ условіяхъ я играть не могу. Смольковъ, съ свойственной ему сообразительностью, разсудилъ:

— Условія малы? Ну, ладно: я вамъ нѣсколько цѣлковыхъ еще накинута.

— Не денегъ я у васъ требую, а порядка, правильнаго отношенія къ дѣлу. Башкировъ не знаетъ ни слова, и я затрудняюсь вести съ нимъ сцену.

— Это пустяки!

— Какъ пустяки?

— А такъ, что репетируйте весь день, вотъ онъ и будетъ знать.

— Какъ же это весь день?

— Очень просто: до самаго вечера.

Пришлось воспользоваться рѣшеніемъ антрепренера, чтобы не разстроивать спектакля. Мы сдѣлали девять рядовыхъ репетицій, и цѣль успѣшно была достигнута. Въ концѣ-концовъ Башкировъ зналъ свою роль и во время спектакля ничуть не мѣшалъ ни мнѣ, ни остальнымъ участвующимъ.

Нижегородскій антрепренеръ Федоръ Константиновичъ Смольковъ былъ оригинальнѣйшимъ человѣкомъ. Впродолженіе многихъ лѣтъ въ актерской сферѣ онъ былъ «притчею во языцехъ», и о немъ ходило множество анекдотовъ; нѣкоторые изъ нихъ, сохранившіеся въ моей памяти, я приведу ниже... Смольковъ заикался самымъ неимовернымъ образомъ, не имѣя возможности правильно выговаривать буквально ни одного слова, что его ужасно сердило; онъ топалъ ногами, уда-

рялъ себя по колѣнамъ, гримасничалъ и вообще продѣлывалъ такія эволюціи, что никакой серьезный и спокойный собесѣдникъ не могъ бы удержаться отъ спазматическаго смѣха. Однако, въ заиканьѣ Смолькова была большая странность: при разговорѣ его языкъ отказывался отъ повиновенія, а при чтеніи вслухъ онъ былъ послушенъ и ни одной буквой не выдавалъ своего обладателя.

Его отношенія къ сценѣ были слишкомъ просты. На театрѣ онъ смотрѣлъ исключительно только съ коммерческой точки зрѣнія. Режиссеровъ не долюбивалъ, старался болѣе обойтись «домашнимъ способомъ», что, разумѣется, вызывало небрежности, анахронизмы и такія уродства драматическихъ произведеній, что теперь даже и подумать стыдно. Однако, счастье везло ему и все прелюбопытно сходило съ рукъ. Впрочемъ, въ тѣ времена провинціальныя зрители были чрезвычайно снисходительны и смотрѣли на театрѣ, не какъ на искусство, а какъ на обыкновенное увеселительное заведеніе.

Какъ образецъ небрежныхъ отношеній Смолькова къ сценѣ, можно привести такой случай. Репетируется комедія Н. А. Потѣхина «Дока на доку». Я игралъ барона, а мою мать, баронессу, которую возятъ въ креслахъ, какая-то полурастрепанная женщина съ испуганнымъ выраженіемъ лица. Суфлеръ подавалъ ей слова роли, она ихъ произносила, но такимъ не актерскимъ тономъ, что я счелъ необходимымъ подойти къ ней и спросить:

— Вы, вѣроятно, поздно получили роль и не успѣли ее просмотрѣть?

— Охъ, батюшка, какая тутъ роль! до роли ли мнѣ?!

— А что такое?

— Какая же я актриса? Я не актриса, я гардеробщица.

— Кто же васъ заставилъ на сцену выходить?

— Ну, конечно, Федоръ Константиновичъ... Ему хоть бы что, а у меня-то сердце не на мѣстѣ. Вдругъ чтонибудь пропадетъ...

Въ этой же пьесѣ игралъ молодой человекъ, находившійся подъ сильной протекціей актрисы Барановой. Онъ изображалъ моего пріятеля, шафера.

На послѣдней репетиціи, видя, что онъ не знаетъ ни слова изъ роли и поминутно путается, я подошелъ къ нему и тихо, по товарищески, сказалъ:

— Трудно вамъ будетъ суфлера ловить. Вы зачеркните свои слова, оставьте только реплики.

— Съ удовольствіемъ!—обрадовался актеръ.—Сегодня-то ужъ, разумѣется, не заучить мнѣ.

— Ну, вотъ то-то и есть.

Придя къ такому скорому соглашенію, мы подошли къ суфлеру и велѣли сдѣлать купюры.

Узнала объ этомъ Баранова и, думая, что это съ моей стороны

интриги, подходит въ концѣ репетиціи ко мнѣ и внушительно заявляетъ:

— За что вы сконфузили этого молодого человѣка? Это нехорошо. Онъ, какъ и вы, начинающій, а потому на первыхъ порахъ заявлять себя интриганомъ некрасиво.

— Помилуйте, какая же это интрига? Онъ самъ согласенъ, что роли не знаетъ, и потому съ понятнымъ равнодушіемъ сдѣлалъ купюры...

— Да-съ, но на это вы его натолкнули, самому бы ему никогда до этого не додуматься.

— Простите. Я попрошу суфлера сейчасъ же возстановить зачеркнутыя мѣста.

— Всенепремѣнно.

Вслѣдъ за нею подходитъ ко мнѣ Смольковъ, которому объ этомъ обстоятельствѣ, очевидно, уже передали.

— Не забижайте,—говорить,—этого молодого...

— Я противъ него ничего не имѣлъ и не имѣю...

— Пусть все по пьесѣ говорить...

— На доброе здоровье.

— Онъ вѣдь еще молодой, и ему, конечно, очень хочется поговорить.

Вечеромъ же, во время спектакля, передъ выходомъ на сцену, приходитъ ко мнѣ въ уборную этотъ молодой актерствующій чело-вѣкъ и говорить:

— Пожалуйста, разговаривайте на сценѣ одинъ.

— Какъ одинъ? А вы-то что будете дѣлать?

— Молчать.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? мнѣ давеча за васъ читали нотацію и Баранова, и Смольковъ!

— А мы, всетаки, будемъ играть такъ, какъ сговорились съ вами... Вѣдь я-то вовсе не хочу говорить на сценѣ, это она того требуетъ...

— Зачѣмъ же ей нуженъ вашъ разговоръ?

— Она меня любить!

Вотъ при какихъ отношеніяхъ къ театру самого антрепренера и актеровъ развивалось искусство въ провинціи.

Во время нашего пребыванія у Смолькова вдругъ появляется извѣстіе, что императоръ Александръ Николаевичъ проѣздомъ остановится на короткій промежутокъ времени въ Нижнемъ Новгородѣ. Разумѣется, такая вѣсть произвела радостную сенсацію. Вспокоилось все населеніе, и въ особенности Федоръ Константиновичъ, отправившійся къ губернатору просить разрѣшенія устроить торжественный спектакль. Губернаторъ, конечно, охотно таковой разрѣшилъ и сказалъ ему, что государь, по всей вѣроятности, посѣтитъ, между прочимъ, его театръ. Счастливый и радостный Смоль-

ковъ прибѣгаетъ на репетицію, останавливаетъ ее и передаетъ актерамъ слова начальника губерніи. Тутъ же стали рѣшать, что и съ кѣмъ поставить. Изъ чувства деликатности мы, представители императорскихъ театровъ, должны были отказаться отъ участія въ этомъ спектаклѣ, дабы дать возможность провинціальнымъ актерамъ показаться императору. Актеры торжествовали и высказывали намъ свою признательность.

Спектакль былъ сборный, то-есть было предположено къ постановкѣ нѣсколько небольшихъ пьесокъ и въ заключеніе балетный дивертиссементъ. Спѣшка была страшная. Актрисы не спали всю ночь наканунѣ представленія, торопясь приготовить себѣ новыя платья. Актеры занимались детальнымъ изученіемъ ролей, а антрепренеръ отдѣлывалъ и приводилъ въ порядокъ театральное зданіе.

Все шло хорошо.

Рано утромъ въ день спектакля Бурдинъ уходилъ изъ дому; возвращается только въ семь часовъ вечера и торопливо приказываетъ лакею собрать въ чемоданъ нѣкоторые предметы изъ платья.

— Куда это вы?—спрашиваю его я.

— Играю... играю сегодня...

— Какъ играете? Развѣ назначенныя пьесы отмѣняются? Или заболѣлъ кто?

— Перемѣна спектакля. Я сегодня былъ у губернатора и категорически заявилъ ему, что назначенная пьеса въ присутствіи государя исполнена быть не можетъ.

— Отчего?

— Оттого, что она глупа. Съ разрѣшенія губернатора, ее замѣнили «Картинкой съ натуры».

— Но вѣдь въ ней такъ мало дѣйствующихъ лицъ, я представляю себѣ отчаяніе здѣшнихъ актеровъ.

— Сами виноваты, не выбирай ерунды.

И дѣйствительно, какъ только это стало извѣстнымъ за кулисами, поднялся бунтъ. На Бурдина вознегодовала положительно вся труппа, приписывая переменѣ пьесы исключительно ему одному. Разумѣется, до нихъ быстро дошелъ слухъ, что Бурдинъ былъ у губернатора и убѣдилъ его совершенно несправедливо, что предназначенная для представленія комедія не прилична. Болѣе всѣхъ возмущался Полтавцевъ и обѣщалъ вызвать Бурдина на дуэль. Корнелій Николаевичъ, отличавшійся вообще добрымъ сердцемъ, не могъ простить Бурдину его продѣлки съ меньшей актерской братіей, и безъ того не много видящей въ своей жизни хорошаго и рѣдко ощущающей что либо особенно пріятное и торжественное. Однако, общими усиліями на другой день удалось его уговорить оставить этотъ случай безъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что Бурдину затѣя не удалась, и государь его не видѣлъ.

Случилось же это такимъ образомъ.

«Картинка съ натуры» должна была идти первою. Все было готово къ началу спектакля. Проходить назначенный часъ, а государя нѣтъ. Взволнованный Смольковъ стоитъ у подъѣзда. Вдругъ пріѣзжаетъ вѣстовой съ приказаніемъ начать представленіе, не дожидаясь императора, который, будучи задержанъ важными дѣлами, прибудетъ позже. Взвился занавѣсъ, и началось представленіе. Театръ былъ переполненъ народомъ. Только что окончилась «Картинка съ натуры», пріѣзжаетъ государь. Мѣстные актеры, не принимавшіе участія въ спектаклѣ по винѣ Бурдина, ликовали. Федоръ же Алексѣевичъ былъ раздосадованъ на неудачу. Его по ползновенію сыграть въ присутствіи императора не увѣнчались успѣхомъ. Такимъ образомъ, къ общему удовольствію, порокъ былъ наказанъ, а добродѣтель восторжествовала.

V.

Вторая моя поѣздка въ Нижній Новгородъ. — Постановка трагедіи «Смерть Іоанна Грознаго». — Ф. К. Смольковъ и анекдоты про него. — Актеръ Востокъ. — Анекдоты про него.

Вторая моя поѣздка въ Нижній Новгородъ состоялась въ 1867 году, по приглашенію самого Смолькова, поставившаго первымъ пунктомъ нашего условія «исполненіе роли царя Іоанна Грознаго» въ трагедіи графа А. К. Толстаго. На сценѣ императорскаго театра я въ то время игралъ Годунова и въ Нижнемъ, конечно, имѣлъ намѣреніе выступить въ этой же роли, но Смольковъ настоялъ на томъ, чтобы я игралъ Грознаго.

Постановка этой пьесы была очень хорошая. Смольковъ не попустился на костюмы, на декорации, на бутафорію, и трагедія произвела на зрителей на столько благопріятное впечатлѣніе, что прошла во время ярмарки пять разъ при полныхъ сборахъ.

Изъ остальныхъ участвующихъ помню: Ральфа, Н. Самойлова, А. П. Ленскаго и Мельникову-Самойлову. Первый изображалъ Годунова, второй — Шуйскаго, третій — царя Федора и послѣдняя — царицу. Въ общемъ прекрасный ансамбль и грандіозный успѣхъ.

При воспоминаніи объ этихъ спектакляхъ въ Нижнемъ Новгородѣ, невольно припоминается маленькій эпизодъ, характеризующій Смолькова-анекдотиста. На второе представленіе «Смерти Іоанна Грознаго», когда театръ былъ совершенно переполненъ публикою, пріѣзжаетъ нѣкая очень важная столичная административная особа, проѣздомъ посѣтившая ярмарку. Федоръ Константиновичъ съ должнымъ почетомъ встрѣчаетъ высокаго гостя и объявляетъ, что, къ крайнему сожалѣнію, нѣтъ ни одного свободнаго мѣста.

— Жаль! А я хотѣлъ было взглянуть, какъ у васъ играютъ? Говорятъ, хорошо...

— Даже очень хорошо, и если вы не погнушаетесь, я какънибудь пристрою васъ на сценѣ. Гдѣнибудь въ кулисахъ приставлю стулъ.

— Если только никому тамъ не помѣшаю, то съ благодарностью воспользуюсь вашею любезностью.

Смольковъ усадилъ его у портала, близъ занавѣса и безцеремонно взялъ за это пять рублей. Кто-то шепнулъ ему про неловкость его поступка.

— Ничего,—отвѣтилъ антрепренеръ,—это для него наука.

— Какая наука?

— Впередъ заранѣе запасаться билетомъ будетъ...

Изъ безчисленнаго множества анекдотовъ про Смолькова въ памяти моей сохранились очень не многіе, и то благодаря только тому, что я былъ, если можно такъ выразиться, ихъ очевидцемъ.

Но прежде, чѣмъ рассказывать о немъ анекдоты, не мѣшаетъ сдѣлать легкую обрисовку его внѣшняго вида. Худощавый, черный¹⁾, съ растеряннымъ взглядомъ, всегда серьезный, онъ производилъ на первыхъ порахъ впечатлѣніе человѣка очень дѣловитаго и далеко не глупаго. Онъ ко всему внимательно присматривался, обладалъ «собственной логикой» и въ приговорахъ старался быть безапелляціоннымъ. При дальнѣйшемъ же съ нимъ знакомствѣ можно было сдѣлать безошибочное заключеніе, что это мелкій коммерсантъ, ничего общаго съ театромъ не имѣющій и смотрящій на искусство, какъ на доходную статью, ограниченный, малообразованный и при всемъ томъ искренній чудакъ. Если же ко всему этому прибавить его заиканье и метрономъ²⁾, съ которымъ Федоръ Константиновичъ былъ не разлученъ и который онъ постоянно ставилъ передъ собой во время разговора, то получится полный фотографическій снимокъ съ одного изъ извѣстнѣйшихъ антрепренеровъ, стяжавшаго на этомъ поприщѣ славу и даже нѣкую толику денегъ, что дѣлаетъ его исключительнымъ представителемъ провинціальной храмины Мельпомены.

Представленію «Смерти Іоанна Грознаго» предшествовали многочисленныя репетиціи. Шились новые костюмы, рисовались новыя декорации, изготовлялись бутафорскія вещи. Когда трагедія шла уже, какъ говорится, безъ сучка и задоринки, я какъ-то кстати замѣтилъ Смолькову:

— Пора бы назначить ее въ репертуаръ.

— Знаю-съ, знаю, да никакъ нельзя.

— Что такое? Почему?

— Несчастье тяготитъ.

1) Онъ былъ на самомъ дѣлѣ рыжій, но постоянно красился.

2) Приборъ, отбивающій тактъ.

- Какое?
- Бутафорскія вещи не готовы.
- Ну, это несчастье не велико. А за какими именно вещами остановка?
- Да вотъ за тѣми, которыя царь приготовляетъ для подарка своей невѣстѣ.
- А ихъ-то какъ разъ и не надо.
- Какъ не надо? — съ ужасомъ воскликнулъ Смольковъ, треща передъ напрасными расходами. — Почему не надо?
- Потому что эта сцена съ подарками у насъ не пойдетъ. Она даже и на императорской сценѣ исключена.
- Что вы? Неужели?
- Да. Всего только она и имѣла мѣсто на первомъ представленіи, а на послѣдующихъ она пропускалась по желанію самого автора.
- Какъ же вамъ было не стыдно не сказать этого заранѣе?! Позвать скорѣе ко мнѣ бутафора! — крикнулъ онъ одному изъ плотниковъ.
- Черезъ нѣсколько минутъ явился бутафоръ. Смольковъ встрѣтилъ его радостнымъ возгласомъ:
- Не надо!
- Чего не надо?
- Подарковъ дѣлать.
- Почему?
- А потому, что ты, видно, пьесы не знаешь...
- Да и знать мнѣ ее не нужно, я работалъ по вашему заказу.
- Такъ ты подумай-ка, вѣдь эти вещи нужны для первыхъ сценъ послѣдняго акта?
- Да.
- Ну, а вѣдь въ послѣднемъ-то актѣ Іоаннъ Грозный умираетъ?
- Что-жъ изъ этого?
- А то, что если онъ помирать собирается, то ему не до подарковъ... Не нужно, не нужно ихъ... напрасно, братецъ, старался...
- Смольковъ былъ потѣшенъ во всемъ. Какъ-то репетируемъ «Горе отъ ума». Я игралъ Чацкаго, а какой-то актеръ читалъ роль Горича. Онъ путалъ, вралъ и вообще такъ ее велъ, что я вынужденъ былъ обратиться къ антрепренеру съ жалобой.
- Такъ относиться къ Грибоѣдовскому произведенію нельзя, — говорю я Ѳедору Константиновичу. — Онъ несетъ околесную...
- Это вы про кого? — перебилъ меня Смольковъ.
- Да вотъ я про этого господина.
- Не беспокойтесь, въ спектаклѣ онъ не участвуетъ.
- Я васъ не понимаю.
- Онъ такъ, приставной... Горича будетъ играть другой ар-

тисть, Востоковъ, а онъ только поставленъ для репетиціи, чтобы вамъ веселѣе было...

— Но, позвольте, это тоже не дѣло: репетировать будетъ одинъ, а играть другой.

— Ничего, другой-то у меня больше жалованья получаетъ и безъ репетицій бываетъ хорошъ...

Въ нижегородской труппѣ служилъ на выходныхъ роляхъ какой-то отчаянный пьяница, однако, скрывавшій свою слабость и притворявшійся трезвымъ.

Однажды проходитъ онъ мимо Ѳедора Константиновича, сильно покачиваясь. Тотъ его останавливаетъ строгимъ замѣчаніемъ:

— Пьянъ?

Актеръ понялъ, что скрыть своего состоянія нельзя, гордо выпрямился и отвѣтилъ:

— И горжусь этимъ!

— Дуракъ!

— Не сердись, благородный джентльменъ.

— Ахъ, ты безобразникъ! Хочешь, чтобы я тебя оштрафовалъ?!

— За что?

— А вотъ за этого самаго джентльмена.

Когда этотъ анекдотъ былъ пересказанъ покойному драматургу А. Н. Островскому, то онъ очень много смѣялся и даже впоследствии воспользовался имъ въ одной изъ своихъ пьесъ, позаимствовавъ, впрочемъ, только первую его половину.

Будучи свободнымъ въ одинъ изъ спектаклей, сижу я въ ложѣ съ Смольковымъ и созерцаю какую-то мелодраму. Одинъ изъ участвующихъ былъ противъ обыкновенія плохъ. По этому поводу я повелъ разговоръ съ антрепренеромъ.

— Почему онъ сегодня не интересенъ? Въ прошлый разъ онъ былъ несравненно лучше...

— Онъ сегодня хорошо играть не можетъ.

— Почему?

— У него деньги пропали.

Большинство актеровъ, служившихъ у Ѳедора Константиновича, пользовались казенной квартирой. Около театра возвышался полуразвалившійся деревянный домъ, который раздѣленъ былъ на крохотныя квартиры, въ одну и двѣ комнаты. Одинокіе пользовались комнатой, семейные двумя. Въ этомъ домѣ проживала почти вся труппа; не гнушались казенной квартирой также и такіе артисты-гастролеры, какъ Полтавцевъ, Милославскій и другіе.

Входныя двери на сцену были обращены къ фасаду этого флигеля. Какъ-то выходитъ со сцены Смольковъ и за нимъ актеръ В. Останавливаются у подъѣзда и ведутъ жаркій разговоръ. Милославскій привлеченный шумомъ съ улицы, облокотился на подоконникъ и сталъ слѣдить за спорящими, которые въ концѣ-кон-

цовъ дошли до крика. Антрепренеръ ужасно волновался и, въ пылу негодованія, обругалъ В. мерзавцемъ.

— Что? Ты подлишь, а я оказываюсь мерзавцемъ?!—разсвирѣпѣлъ В.—Такъ вотъ же тебѣ!

Быстрымъ движеніемъ руки повалилъ его на землю и сталъ наносить ему ударъ за ударомъ. Когда же этой экзекуціи наступилъ конецъ, и В., довольный своею побѣдой, удалился, Ѳедоръ Константиновичъ тяжело поднялся съ земли, оправился и, увидавъ Милославскаго, произнесъ:

— Видѣли?

— Видѣлъ.

— Удивляетесь?

— Нѣтъ.

— Отлудилъ таки... Говорятъ, давно собирался...

Отставной артистъ императорскихъ петербургскихъ театровъ Прусаковъ послѣдніе годы жизни пребывалъ въ Нижнемъ Новгородѣ. Когда Смольковъ жаловался, что негдѣ достать хорошихъ актеровъ, я указалъ ему на талантливаго Прусакова, сидѣвшаго не у дѣлъ.

— Онъ невозможенъ,—отвѣтилъ Ѳедоръ Константиновичъ.

— Отчего?

— Зашибаетъ очень.

— Вѣроятно, отъ бездѣлья, а если его пристроить къ работѣ, можетъ быть, онъ остепенится.

— Пробовалъ я, да ничего не выходитъ. Поручилъ было ему роль Муромскаго въ «Свадьбѣ Кречинскаго», но вдосталь наплакался... Въ первомъ актѣ всю публику привелъ онъ въ восторгъ. Зрители не могли нахвалиться. Во второмъ онъ не выходитъ, все было тихо и хорошо. Въ третьемъ же его еле-еле на сцену вывели. Упился такъ, что вся публика изъ театра разбѣжалась... Впрочемъ, это ужъ пьеса такая глупая.

— А пьеса-то при чемъ?

— А при томъ, что авторъ вѣдь зналъ, что Муромскаго долженъ резонеръ играть. А резонера въ каждомъ актѣ выпускать нужно, потому что всѣ они пьяницы. Какъ гдѣ ихъ пропустите, тамъ они и напьются.

У Смолькова былъ какой-то складъ вина или просто винный погребокъ. Поэтому онъ очень охотно ссужалъ своихъ служащихъ «натурой» и потомъ ихъ ругалъ «пьяницами». Жалованье любилъ задерживать и вообще предпочиталъ выдачу его мелочами.

Является къ нему однажды актеръ Г—ни и просить денегъ.

— Нѣтъ!—отрѣзалъ антрепренеръ.

— Но я очень нуждаюсь, у меня семья...

— Это все равно.

— Я вѣдь не авансомъ прошу, у меня есть заработанныя...

— Неужели ты не понимаешь, что у коммерческаго человѣка не можетъ быть свободныхъ капиталовъ.

— Да вѣдь мнѣ нѣсколько цѣлковыхъ всего, — при чемъ тутъ капиталы?!

— Хочешь водкой брать — бери, а чистоганомъ расплатиться не могу.

— Помилуйте, на что мнѣ водка?

— Можешь продать.

Наконецъ, послѣ долгаго препирательства, выдаетъ онъ ему цѣлковый.

— Что же это вы смѣяться надо мной вздумали, что ли?

— Нисколько.

— Что я могу сдѣлать на цѣлковый?

— Ежели скромно жить, то можно на него дня четыре быть сытымъ.

— Это съ семьей-то?

— Конечно... Поди по лавкамъ, хорошенько поторгуйся, можетъ, гдѣ и на мецената наскочишь — чтонибудь въ подарокъ дастъ...

— Такъ вѣдь можно и безъ вашего рубля идти милостыню собирать...

— Эхъ, ты! Знать, еще нужды не испыталъ...

— Ну, служа у васъ, трудно ее не испытать!

— Ахъ, ты, неблагодарный! Я ли стѣсняю изъ васъ кого: сколько хочешь, бери у меня вина и даже авансомъ...

Подобные разговоры у Смолькова бывали заурядъ. Онъ пресерьезно считалъ себя благодѣтелемъ и cadaго корилъ тѣмъ, что «виномъ не стѣсняетъ», а потомъ удивлялся всѣмъ и находилъ всѣхъ «пропойцами».

Служилъ у Федора Константиновича комикомъ Константинъ Загорскій, который, при постановкѣ комедіи «Любовь и предразсудокъ», такъ удачно загримировался Смольковымъ въ роли зайки Пикока, что весь театръ помиралъ со смѣха, поглядывая то на оригиналъ, то на копію. Смольковъ вмѣстѣ съ другими хохоталъ, а потомъ, когда кто-то намекнулъ ему, что Загорскій на сценѣ передразнилъ его, онъ разсердился. Прибѣжалъ за кулисы и внутренительно закричалъ на актера:

— Какъ ты смѣлъ мной выходить? Я тебя за это оштрафую и засужу.

— Помилуйте, Федоръ Константиновичъ, за что же?

— А за то, что нельзя хозяина представлять въ комическомъ видѣ. Другое дѣло, если бы ты представилъ меня молодымъ, красивымъ и безъ порока.

— Но вѣдь тогда я не былъ бы на васъ похожъ ни на іоту.

— Ничего не значить. Всетаки мнѣ пріятнѣе видѣть себя прекраснымъ.

Послѣ гастролей, въ 1867 году, мнѣ приходилось получить съ Смолькова около 1.300 рублей. Всю эту сумму онъ уплатилъ мнѣ мелочью, то-есть, далъ цѣлую кипу грязныхъ, засаленныхъ рублевыхъ, трехрублевыхъ и пятирублевыхъ бумажекъ.

— Неужели нѣтъ денегъ покрупнѣе?

— Нѣтъ... Впрочемъ, если васъ стѣсняетъ это, то можете сдѣлать промѣнъ мелочи на большія бумажки въ главномъ ¹⁾ домѣ. Я дамъ вамъ записку къ казначею...

Отправляюсь въ главный домъ. Любезно встрѣчаетъ меня казначей и соглашается выдать мнѣ требуемую сумму сторублевокъ. Начинаетъ считать мои деньги, и вдругъ къ своему ужасу я замѣчаю, что онъ равнодушнѣйшимъ образомъ выкидываетъ изъ пачки нѣкоторыя бумажки, очевидно, подозрѣвая ихъ фальшивыми. Когда окончился счетъ, я не утерпѣлъ и спросилъ его.

— А эти деньги для чего вами отложены?

— Получите ихъ обратно; хотя въ сущности я не имѣю права ихъ возвращать, но зная, что ими васъ наградилъ Ѳедоръ Константиновичъ, рекомендую промѣнять ихъ тотчасъ же у него.

— Значитъ, онѣ фальшивыя?

— Да.

Ѳду къ Смолькову.

— Что вы надѣлали, — заявляю, — фальшивыхъ бумажекъ мнѣ надавали! Хорошо еще, что на мѣстѣ я вздумалъ ихъ мѣнять...

— Это пустяки.

— Какъ пустяки? Ихъ могли конфисковать?!

— Ну, мало ли что могли... Давайте ихъ мнѣ, я вамъ промѣняю.

Когда Ѳедоръ Константиновичъ сдѣлалъ обмѣнъ кредитокъ, я спросилъ его:

— Что же вы теперь будете дѣлать съ фальшивыми деньгами?

— У насъ уйдетъ, — сказалъ онъ равнодушно. — У насъ фальшивыя бумажки не залежатся...

— Какъ уйдутъ? Куда?

— Во время вечерней продажи онѣ у насъ идутъ хорошо. Прекрасно ихъ сбываемъ...

Покидая Нижній Новгородъ, я разговорился съ Смольковымъ о дальнѣйшихъ театральныхъ дѣлахъ его.

— Будете, — спрашиваю, — ставить еще «Смерть Іоанна Грознаго»?

— Непремѣнно... Сорву еще сборика два навѣрное...

— А кто у васъ будетъ играть заглавную роль? Она тяжела.

— Трусовъ.

— Но вѣдь она не въ его средствахъ. Онъ занимаетъ ампула молодыхъ людей...

¹⁾ Ярмарочномъ.

— Нѣтъ, онъ хорошо и стариковъ играетъ. Они у него отлично выходятъ...

Про актера Востокова Ѳедоръ Константиновичъ выражался такъ:

— Хорошій онъ актеръ, очень хорошій...

— Да, если бы не страдалъ алкоголизмомъ, былъ бы выдающимся.

— Онъ и теперь очень выдающійся актеръ... Прекрасный актеръ...

— Чѣмъ же, помилуйте, теперь-то? Всегда пьянъ и никогда роли не знаетъ.

— Да я не за сцену его хвалю.

— А за что?

— На счетъ денегъ не спорить. Передашь ли ему, не додашь ли, молчить и никакого скандала.

Въ дѣйствительности П. В. Востоковъ былъ очень способною личностью, къ несчастью, загубленною пристрастіемъ къ горячительной влагѣ. Кромѣ своего сценическаго дарованія, онъ обладалъ недурнымъ литературнымъ перомъ и прекрасно перевелъ нѣсколько драмъ, комедій и водевилей, которые въ свое время держались въ репертуарѣ и пользовались успѣхомъ. Разумѣется, эти работы его принадлежатъ къ раннему періоду жизни, ко времени пребыванія его на сценѣ московскаго Малаго театра. Я познакомился съ Востоковымъ въ періодъ его полнѣйшаго расслабленія, когда всѣ отъ него сторонились, по причинѣ его невоздержности и того брезгливаго чувства, которое онъ внушалъ всѣмъ и каждому. Востоковъ былъ толстъ, одутловатъ, небреженъ въ костюмѣ и съ сивушнымъ запахомъ, дававшимъ знать о его приближеніи чуть не за сажень. Когда онъ, бывало, подходилъ съ изъясненіемъ своихъ чувствъ къ А. Н. Островскому, то знаменитый драматургъ спѣшилъ остановить его въ отдаленіи отъ себя, говоря:

— Не раздражайте аппетита. Я еще не обѣдалъ.

Или, если Востоковъ, не смотря на это заявленіе, все-таки, не останавливался въ почтительномъ разстояніи, Александръ Николаевичъ умоляюще просилъ его:

— Подвиньтесь... окажите благодареніе... еще... еще... Благодарю васъ!

Является однажды Востоковъ на репетицію. Его встрѣчаютъ артисты и энергично высказываютъ свое неудовольствіе за «опозданіе».

— Задержали, — сталъ было оправдываться Востоковъ. — Ей-Богу, не по своей винѣ.

— Кто же тебя задержалъ?—освѣдомился И. Ѳ. Горбуновъ.

— Купецъ одинъ... хорошій такой... Ужъ я давно старался отъ него отдѣлаться, да не выпускалъ онъ меня...

— А ты попробовалъ бы на него дыхнуть,—сострилъ Иванъ Ѳедоровичъ.—Ему сдѣлалось бы дурно, а ты въ это время и убѣжалъ бы.

VI.

Изъ своихъ и чужихъ воспоминаній.— М. С. Щепкинъ.— И. В. Самаринъ.—
В. И. Живокини.

Имѣя большое закулисное знакомство, мнѣ очень много приходилось слышать разсказовъ изъ жизни выдающихся представителей какъ императорской, такъ и провинціальной сцены. Въ большинствѣ случаевъ эти разсказы характеризуютъ актеровъ не только въ ихъ житейской обстановкѣ, но и какъ исключительныхъ дѣятелей извѣстной сферы, вносившихъ въ дѣло свои традиціи, признаваемые потомками и до сихъ поръ сохраняющіяся во всей своей силѣ и красотѣ. Особенно богата традиціями сцена московскаго Малаго театра, гдѣ духъ Щепкина, Садовскаго, Живокини, Самарина, Шумскаго незримо витаетъ за кулисами и бодритъ и вдохновляетъ нынѣшнихъ представителей русской драмы въ Бѣлокаменной. Различные анекдоты и разсказы изъ ихъ жизни представляютъ богатый матеріалъ, назидательный и очень пригодный для всякаго любящаго и уважающаго родной театрѣ.

Къ чести нашихъ современныхъ актеровъ слѣдуетъ приписать то, что они, по крайней мѣрѣ, въ анекдотическихъ повѣствованіяхъ вспоминаютъ своихъ славныхъ предшественниковъ и очень часто руководствуются ихъ взглядами на искусство, ихъ отношеніями къ дѣлу, ихъ принципами, что, по моему мнѣнію, не даетъ имъ совершенно погрязнуть въ тинѣ театральныхъ болотъ.

Въ актерскихъ разсказахъ и воспоминаніяхъ самое видное мѣсто занимаетъ Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ, имя котораго крупными буквами начертано на скрижаляхъ театральной лѣтописи. Его взгляды на сцену, его поступки, его мнѣнія, конечно, имѣютъ большое значеніе, и я полагаю, что привести о немъ нѣкоторые разсказы, сохранившіеся въ моей памяти, будетъ далеко не лишнимъ, тѣмъ болѣе, что все нижеприведенное передано мнѣ очевидцами, а иному я былъ и самъ личнымъ свидѣтелемъ.

Съ какой строгостью Щепкинъ относился къ своему актерскому дѣлу, видно изъ такого эпизода. Идетъ репетиція. Онъ внимательно прислушивается къ репликамъ играющихъ съ нимъ актеровъ. Но вдругъ прерываетъ одного изъ второстепенныхъ исполнителей и говоритъ:

— Я вѣдь не понимаю, какъ ты будешь играть. Ты, пожалуйста, дай мнѣ ноту.

Актеръ недоумѣвающе всматривается въ Михаила Семеновича и робко спрашиваетъ:

— Ноту? Какую ноту? Для чего?

— Какъ для чего? Разумѣется, для аккорда.

Въ простомъ разговорномъ языкѣ, во время сценическаго дѣй-

ствія, Щепкинъ желалъ достигнуть музыкальной прелести ансамбля.

Лично я познакомился съ Щепкинымъ во время его гастролей на петербургской сценѣ. Впрочемъ, я знавалъ его и раньше въ Москвѣ, но наше московское знакомство ограничивалось только почтительнымъ расшаркиваніемъ съ моей стороны и какой нибудь ласковой фразой—съ его. Въ то время я былъ еще юношей, и дальше этого обмѣна привѣтствій наше знакомство, конечно, идти не могло. Отецъ мой, какъ москвичъ и большой театралъ, пользовался постоянной дружбой Михаила Семеновича, съ которымъ часто короталъ время въ англійскомъ клубѣ, гдѣ оба они были членами. Какъ извѣстно, Щепкинъ первый изъ актеровъ былъ избранъ въ члены этого знаменитаго тогда клуба... Всего только разъ довелось мнѣ, въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Москву, встрѣтиться на клубскомъ обѣдѣ съ Михаиломъ Семеновичемъ и въ памятной для меня бесѣдѣ провести съ нимъ весь вечеръ. Никогда не забуду, съ какой энергіей и воодушевленіемъ онъ высказывалъ мнѣ свои строгія, но справедливыя сужденія объ актерѣ и его обязанностяхъ. Называя лучшихъ того времени артистовъ и признавая за ними таланты, Щепкинъ беспощадно порицалъ ихъ за недостаточность вниманія и нерадѣнія къ сценѣ. Говоря, на примѣръ, о лучшемъ и до сихъ поръ незамѣнимомъ въ роляхъ баръ, теперь тоже покойномъ, И. В. Самаринѣ, Михаилъ Семеновичъ обвинялъ его въ томъ, что тотъ иногда бываетъ небреженъ и, вмѣсто аристократа, изображаетъ какого-то купеческаго сынка.

— А почему это? Потому что безспорно талантливый коллега слишкомъ самонадѣянъ, не желаетъ слушать моихъ добрыхъ совѣтовъ. Между тѣмъ, со стороны-то виднѣе. А его уродуетъ ложный стыдъ; онъ думаетъ, что я стараюсь умалить его сценическія достоинства, менторствую и «поучаю».

По рассказамъ сослуживцевъ Щепкина, въ разучиваніи ролей онъ былъ до педантизма точенъ и не упускалъ ни одной малѣйшей детали. Точно такого же отношенія къ «задачамъ автора» (его выраженіе) онъ требовалъ и отъ всего остального персонала труппы.

Однажды, по внезапной болѣзни какой-то актрисы, пришлось наканунѣ вечеромъ, во время спектакля, перемѣнить назначенную на слѣдующій день пьесу и замѣнить ее другою, а именно комедіей «Горе отъ ума». Щепкинъ въ этотъ спектакль былъ занятъ. Узнавъ въ уборной о перемѣнѣ завтрашняго спектакля и не смотря на то, что роль Фамусова игралъ съ первой постановки Грибоѣдовскаго произведенія, онъ отправляется къ режиссеру С. П. Соловьеву и спрашиваетъ:

— Скажите, въ которомъ часу завтра утромъ репетиція?

— Какой пьесѣ, Михаилъ Семеновичъ?

— Какъ какой! Да вѣдь завтра идетъ «Горе отъ ума».

— Помилосердствуйте,—возражаетъ Соловьевъ.—Зачѣмъ дѣлать репетицію «Горю»? Вѣдь мы ее на той недѣлѣ играли? Позвольте актерамъ отдохнуть. Вѣдь ужъ какъ они знаютъ свои роли, тверже никакъ нельзя.

Щепкинъ призадумался и послѣ минутнаго размышленія сказалъ

— Ну, пожалуй, репетиціи не надо; только, всетаки, попрошу хоть слегка пробѣжать мои сцены. Я актеровъ не задержу...

И репетиція состоялась, не взирая на то, что «Горе отъ ума» шло въ московскомъ Маломъ театрѣ совершенно безъ суфлера. Онъ молча сидѣлъ въ своей будкѣ и слѣдилъ за участвующими, всегда игравшими эту комедію наизусть.

Актеръ П. В. Востоковъ, во время своей службы на казенной сценѣ, отличался хроническимъ незнаніемъ поручаемыхъ ему ролей. Его за это не долюбивалъ Щепкинъ и всегда читалъ ему нотации, которыя Востоковъ терпѣливо выслушивалъ и, пообѣщавъ въ будущемъ исправиться, продолжалъ попрежнему оставаться небрежнымъ къ прямымъ своимъ обязанностямъ.

Какъ-то Востоковъ вздумалъ для поправленія своихъ истощенныхъ кармановъ устроить литературно-артистическій вечеръ. Для обезпеченія сбора порѣшилъ пригласить Михаила Семеновича, который для подобныхъ концертовъ былъ всегда притягательной силой. Будучи великолѣпнымъ актеромъ, онъ былъ еще болѣе неподражаемымъ чтецомъ.

Со страхомъ и надеждой отправляется Востоковъ къ Щепкину, который встрѣтилъ его любезно и спросилъ:

— Чего тебѣ, почтенный, нужно?

Востоковъ, робѣя при мысли, что Щепкинъ потребуетъ за свое участіе большой гонораръ, начинаетъ излагать свою «покорнѣйшую просьбу».

Выслушавъ его внимательно, Щепкинъ спросилъ:

— А хватитъ ли у тебя, почтенный, средствъ заплатить мнѣ за то, если я возьмусь у тебя читать?

Востоковъ, смутясь, отвѣтилъ, что онъ съ удовольствіемъ готовъ заплатить все, что угодно будетъ назначить Михаилу Семеновичу, лишь бы только онъ не отказался.

— Охъ, братъ, сильно боюсь, станетъ ли тебя на это, я вѣдь очень дорого беру.

Востоковъ, воображая, что онъ запроситъ не менѣе полутора-ста рублей, дрожащимъ голосомъ спрашиваетъ:

— Какая же ваша цѣна, Михаилъ Семеновичъ? Не томите ради Бога.

— Моя цѣна вотъ какая: учи, братъ, потверже свои роли. Если дашь мнѣ слово и будешь учить роли, тогда, изволь, буду и я участвовать въ твоёмъ вечерѣ; можешь ставить меня на афишу.

Этими словами Щепкинъ покончилъ свой разговоръ. Востоковъ не зналъ, какъ его благодарить, и Михаилъ Семеновичъ дѣйстви-тельно участвовалъ безъ всякой платы.

Въ подтвержденіе того, какъ Щепкинъ заботился о детальномъ исполненіи каждой играемой имъ роли, не могу не рассказать о томъ, что я самъ видѣлъ.

Однажды на Маломъ московскомъ театрѣ шла драма «Жизнь игрока», и Щепкинъ игралъ въ ней старика-отца Жермани. Придя въ театръ очень рано, я отправился на сцену и засталъ тамъ одного только Михаила Семеновича, который за цѣлый часъ до увертюры, уже совсѣмъ одѣтый и загримированный для роли, расхаживалъ взадъ и впередъ отъ кулисы къ кулисѣ и что-то озабоченно бормоталъ про себя.

На отданный ему мною поклонъ онъ отвѣтилъ невнимательнымъ кивкомъ головы и стереотипной фразой:

— Добрый годъ!

И потомъ, тѣмъ же порядкомъ продолжая бормотать себѣ что-то подъ носъ, ни на что не глядя, продолжалъ прохаживаться отъ одной стороны сцены къ другой. Это продолжалось довольно долго. Я за нимъ съ понятнымъ любопытствомъ слѣдилъ и вдругъ, неожиданно, созерцаю такую картину: Щепкинъ быстро подбѣгаетъ къ одной изъ декорацій и громко дрожащимъ голосомъ восклицаетъ, приправляя слова соотвѣтствующей жестикуляціей:

— Сынъ неблагодарный! Сынъ безчеловѣчный!

Это начало монолога изъ роли.

А затѣмъ опять началъ продолжать свое шептаніе.

Потомъ, когда съѣхались остальные артисты, я освѣдомился у кого-то, всегда ли такъ рано забирается въ театръ Щепкинъ, и мнѣ отвѣтили утвердительно.

— И замѣтьте, такимъ образомъ онъ проходитъ каждую роль, хотя-бы переигранную имъ сотни разъ. Да вотъ вамъ и Жермани— онъ играетъ его десятки лѣтъ подъ рядъ.

Трудно себѣ представить ту любовь и уваженіе къ сценѣ, какія сохранялъ Щепкинъ до самой глубокой старости. Кто видѣлъ этого великаго актера въ лучшихъ его роляхъ, не говоря о репертуарѣ произведеній Гоголя, Грибоѣдова, Мольера, но даже и въ такихъ пьесахъ, какъ «Москаль-чарывнікъ» или «Свадьба Кречинскаго», тотъ никогда не забудетъ его. Кромѣ того, Щепкинъ былъ замѣчательнымъ чтецомъ.

Покойный Самаринъ какъ-то, между прочимъ, рассказывалъ мнѣ, что когда его въ первый разъ назначили преподавателемъ драматическаго искусства въ императорскомъ театральномъ училищѣ и поручили ему классъ выразительнаго чтенія, то онъ началъ свое преподаваніе съ того, что пригласилъ Щепкина въ школу и просилъ, чтобы тотъ прочелъ его будущимъ ученикамъ нѣсколько ба-

сень Крылова, единственно для того, чтобы тѣ могли имѣть приблизительное понятіе о томъ, какъ можно и должно читать стихи. Самъ же И. В. Самаринъ не брался показать себя такимъ образцовымъ чтецомъ, въ особенности басенъ, по его мнѣнію самаго труднаго для чтенія рода поэзіи. Самаринъ утверждалъ, что тому, кто можетъ хорошо читать басни, всего легче сдѣлаться и хорошимъ актеромъ.

Объ Иванѣ Васильевичѣ Самаринѣ я долженъ сказать, что въ юности ни одинъ актеръ не производилъ на мое молодое воображеніе такого чарующаго впечатлѣнія, какъ онъ. Да и до сихъ поръ я не могу отрѣшиться отъ убѣжденія, что Самаринъ былъ такимъ идеальнымъ исполнителемъ молодыхъ людей въ драмѣ и комедіи, что до сихъ поръ остается незамѣнимымъ. Онъ былъ въ своемъ родѣ единственнымъ и неподражаемымъ актеромъ - самородкомъ. Получивъ образованіе въ театральной школѣ и проведя всю жизнь въ Москвѣ, онъ не имѣлъ возможности подсмотрѣть образцовыхъ представителей драматическаго искусства за границей, а между тѣмъ его игра отличалась именно тою изящностью, какую приходится встрѣчать исключительно у знаменитыхъ иностранцевъ.

Доказательствомъ этому можетъ послужить то, что, будучи очень еще юнымъ, при гастроляхъ на московскомъ театрѣ знаменитаго трагика В. А. Каратыгина и его не менѣе знаменитой жены А. М. Каратыгиной, Самаринъ игралъ съ ними въ Шиллеровской «Маріи Стюартъ» роль Мортимера и до того превосходно игралъ ее, что даже отвлекалъ вниманіе зрителей отъ знаменитыхъ гостей и имѣлъ успѣхъ, равный съ Каратыгиными.

Самаринъ въ свое время былъ лучшимъ исполнителемъ роли Чацкаго изъ всѣхъ до него и послѣ него бывшихъ артистовъ. Въ особенности превосходенъ былъ Самаринъ въ мелодрамѣ и пьесахъ французскаго репертуара. Ни одного парижскаго актера, не исключая Бертона и Дюпюи, я не могу сравнить съ Иваномъ Васильевичемъ. Болѣе эффектнаго, ловкаго и красиваго актера мнѣ не доводилось видѣть ни у насъ, ни на заграничныхъ сценахъ. Въ бытовомъ репертуарѣ, а въ особенности въ пьесахъ Островскаго, онъ очень рѣдко принималъ участіе, не находя въ нихъ подходящихъ для себя ролей.

И. В. Самаринъ, доживъ до своего пятидесятилѣтняго юбилея, который торжественно, хотя и не совсѣмъ удачно, былъ отпразднованъ въ Большомъ московскомъ театрѣ, всю жизнь почти безвыѣздно провелъ въ Москвѣ. Онъ очень мало ѣздилъ на гастроли и, на сколько извѣстно мнѣ, врядъ ли гдѣ еще игралъ, кромѣ Петербурга и Нижняго Новгорода. Въ началѣ своего сценическаго поприща, вѣроятно, въ надеждѣ лучшей для себя карьеры, Самаринъ пытался перейти на петербургскую сцену и даже игралъ нѣкоторое время въ Александринскомъ театрѣ, но ему не посчастли-

вилось въ сѣверной Пальмирѣ, вслѣдствіе невозможности конкурировать съ любимцемъ петербуржцевъ А. М. Максимовымъ, пользовавшимся расположеніемъ не только обыкновенныхъ театраловъ, но и многихъ высочайшихъ особъ.

Мнѣ очень памятны послѣдніе гастролы Ивана Васильевича въ Петербургѣ, въ «Озерковскомъ» театрѣ. Незадолго до смерти, его ловко обошелъ нѣкій столичный эксъ-антрепренеръ Щ—ковъ, владѣлецъ огромнаго балагана, носившаго названіе театра, который ютился близъ самага полотна Финляндской желѣзной дороги, въ мѣстности, именуемой «Озерками».

Этотъ предприимчивый импрессаріо задумалъ пригласить на гастролы Самарина, съ каковою цѣлью лично совершилъ путешествіе въ Москву и, являсь къ Ивану Васильевичу, чуть не съ колѣнопреклоненіемъ умолялъ спасти отъ гибели его и его антрепризу.

Самаринъ, который въ то время, какъ и всегда лѣтомъ, жилъ на дачѣ въ селѣ Иваньковѣ, долго колебался и, не давая рѣшительнаго отвѣта на неоднократныя увѣщанія Щ—кова, просилъ у него время для размышленія. Долго ли, коротко ли одинъ упрашивалъ, а другой размышлялъ, но въ какой-то несчастный день судьба этотъ вопросъ порѣшила. Случилось это не совсѣмъ обыкновенно. Иванъ Васильевичъ ѣхалъ въ открытомъ экипажѣ съ дачи въ Москву. Былъ сильный вѣтеръ. Дорогой вздумалось Самарину закурить папиросу. Не успѣвалъ онъ зажечь спичку, какъ она отъ вѣтра моментально гасла. Промучившись такимъ образомъ болѣе получаса, упорно продолжая зажигать спичку за спичкой и одновременно съ этимъ размышляя о просьбѣ пріѣзжаго антрепренера, онъ вдругъ загадалъ: если папироса закурится—ѣхать играть, не закурится—оставаться дома. На счастье Щ—кова, Самарину удалось сохранить огонь и раскурить папироску.

— Дѣлать нечего, значить надо рѣшиться на поѣздку! — сказалъ самъ себѣ артистъ и на другой же день далъ свое согласіе антрепренеру.

Не подозрѣвая, что съ нимъ, какъ и съ Москвой, которая въ двѣнадцатомъ году погибла отъ копеечной свѣчки, можетъ случиться крахъ въ Петербургѣ, онъ отправился гастролить въ «Озерки».

Въ первый спектакль съ участіемъ Ивана Васильевича я пріѣзжалъ въ Озерки, гдѣ видѣлъ его и на сценѣ и въ уборной. Конечно, театръ былъ переполненъ, и успѣхъ гастролера былъ громадный. Антрепренеръ въ порывѣ восторга, по окончаніи спектакля, явился въ уборную Самарина съ условленными деньгами за сыгранный спектакль. Иванъ же Васильевичъ, усталый отъ роли Фамусова и продолжая еще въ уборной представлять московскаго стараго барина, съ гримасой отвѣтилъ Щ—кову:

— Оставьте, пожалуйста, пока ихъ у себя... Не беспокойтесь... сочтемся послѣ, въ свое время...

Антрепренеръ охотно исполнилъ желаніе Самарина и оставилъ деньги у себя и, какъ оказалось впослѣдствіи, на вѣчныя времена.

Иванъ Васильевичъ, послѣ нѣсколькихъ еще сыгранныхъ спектаклей въ Озеркахъ, не только не получилъ ни копѣйки, но даже не могъ еще хоть разъ полюбоваться на благородныя черты пригласившаго его импрессаріо. Щ—ковъ точно сквозь землю провалился.

Приѣхавъ въ Петербургъ, съ расчетомъ получить деньги за гастроли, Самаринъ не взялъ съ собой достаточно презрѣннаго металла изъ дому и оставался безъ гроша, пока, съ помощью сдѣланнаго у нѣкоторыхъ знакомыхъ займа, не уѣхалъ обратно въ Москву.

Оставшись въ живыхъ послѣднимъ изъ своихъ прежнихъ товарищей-могиканъ русскаго театра, Самаринъ пользовался большимъ почетомъ и уваженіемъ Москвы, и какъ послѣдній представитель нѣкогда славнаго Малаго театра, и какъ профессоръ драматическаго искусства московской консерваторіи. Мнѣ неизвѣстны заслуги Самарина, какъ драматическаго учителя, но достаточно упомянуть его ученицу — Гликерію Николаевну Ѳедотову, которая одна можетъ составить гордость и славу Ивана Васильевича.

Къ разряду этихъ же могиканъ принадлежитъ и достославный комикъ Василій Игнатьевичъ Живокини, съ которымъ я тоже имѣлъ удовольствіе быть знакомымъ и о которомъ много слышалъ отъ его друзей и сослуживцевъ.

Это былъ актеръ исключительный. Онъ обладалъ громаднымъ и вполне своеобразнымъ комическимъ талантомъ и былъ безсмысленнымъ любимцемъ москвичей впродолженіе десятковъ лѣтъ и до сихъ поръ еще не забытъ. Будь Василій Игнатьевичъ не русскимъ актеромъ, а какимъ нибудь иностраннымъ, а въ особенности французскимъ, его имя было бы извѣстно всей Европѣ, точно такъ, какъ извѣстно имя Фридерика Леметра, слухомъ о дарованіи котораго наполнилась земля. И Живокини при другихъ условіяхъ былъ бы европейскою знаменитостью и даже, вѣроятно, большею, чѣмъ Леметръ и друг., главнымъ образомъ благодаря тому, что это былъ неподражаемо оригинальный буффъ съ громаднымъ врожденнымъ юморомъ.

Я называю Живокини исключительнымъ актеромъ потому, что это былъ такого рода комикъ, что для оцѣнки его таланта вовсе не требовалось выбирать ту или другую извѣстную его роль, а просто-на-просто, увидя его фамилію на афишѣ, можно было смѣло отправляться въ театръ, въ расчетѣ провести время безконечно весело. Онъ заставлялъ публику хохотать до истерики одинаково въ любой пьесѣ, въ которой бы ни участвовалъ. Василій Игнатье-

вичъ на сценѣ былъ свободнѣе, чѣмъ у себя въ комнатѣ, съ публикой обращался запросто, какъ съ самымъ близкимъ и любящимъ пріятелемъ. Его веселость была заразительна; юморъ, находчивость, экспромптомъ сказанное смѣшное слово онъ умѣлъ такъ ловко повторить, что хохотъ въ театрѣ не прерывался во все продолженіе дѣйствія.

Простота его отношеній къ зрителями рельефно характеризуется слѣдующимъ эпизодомъ, имѣвшимъ мѣсто въ московскомъ Маломъ театрѣ. Идетъ извѣстный воевиль «Азь и Фертъ». Живокини играетъ Мордашева. Въ самомъ концѣ водевиля онъ говоритъ громадный монологъ, передъ самымъ началомъ котораго поднимается изъ креселъ офицеръ и направляется къ выходу. Василий Игнатьевичъ его окликнулъ со сцены:

— Не уходите! Пожалуйста, не уходите!... Оставайтесь дослушать! Вы вѣдь не знаете, въ чемъ дѣло, почему все это такъ случилось, а я вамъ расскажу.

Офицеръ сконфузился и при общемъ хохотѣ всего театра сѣлъ на свое мѣсто.

Живокини окончилъ свой монологъ, и офицеръ вмѣстѣ со всѣми отъ души аплодируетъ талантливому артисту. Вообще Василий Игнатьевичъ часто позволялъ себѣ подобныя фарсы, и всѣ они проходили въ видѣ безобидной шутки. Никто на своего любимца не сердился, а напротивъ хохоталъ надъ его выдумками до упаду.

Въ другой разъ, въ водевилѣ «Подставной женихъ», представленномъ передъ комедіей «Свадьба Кречинскаго», которая при своей постановкѣ въ Маломъ театрѣ имѣла колоссальный успѣхъ и билеты на нее добывались положительно съ бою по предварительной записи, Живокини сдѣлалъ такую вставку, на закулисномъ языкѣ называемую «отсебятиной».

Въ самомъ концѣ, когда, по обыкновенію всѣхъ вообще водевильныхъ либретто, къ общему благополучію дѣло оканчивается свадьбой, Живокини долженъ былъ по замыслу автора предложить своей дочери-невѣстѣ пригласить на свое свадебное пиршество присутствующую въ театрѣ публику.

— Иди, иди, проси къ себѣ на бракосочетаніе!—говоритъ Живокини дочери, указывая на зрителей.

Дочь, изображаемая наивною барышнею, конфузится.

— Ну, я за тебя попрошу, — заявляетъ отецъ и, приближаясь къ рампѣ, обращается къ публикѣ, переполнявшей театръ: — моя дочь выходитъ замужъ! Черезъ недѣлю состоится ея свадьба! Удостойте чести молодыхъ—пожалуйте на ея бракосочетаніе... Что-съ?... Вы молчите?... Вамъ не угодно?

— Ахъ, папенька!—робко шепчетъ невѣста.

— Не хотятъ!—съ комическою горечью произнесъ Живокини. — На твоей свадьбѣ побывать не хотятъ, а вотъ на «свадьбу Кречин-

скаго», какого-то проходимца, посмотри-ка, какъ лѣзуть, мѣсть не хватаетъ...

Все это, разумѣется, возможно было только въ старину. Теперь такихъ «отсебятинь» не потерпѣли бы, не взирая ни на какую находчивость всегда остроумнаго Василя Игнатьевича, очень часто выносившаго на своихъ плечахъ такіе нелѣпыя водевили, которые при другихъ исполнителяхъ позорно проваливались. Его фарсамъ не было конца, и они живили пьесы, которыя, благодаря этому, смотрѣлись публикою съ одинаковымъ удовольствіемъ по нѣсколько разъ.

Его находчивость сказалась и въ водевилѣ «Комедія съ дядюшкой». Живокини изображалъ дядюшку. Выходитъ онъ на сцену и, проговоривъ свой монологъ, ожидаетъ выхода Бороздиной¹⁾, игравшей жену его племянника. Оказывается, что она не успѣла переодѣться. Объ этомъ шепчетъ ему изъ-за кулисъ режиссеръ Соловьевъ:

— Продлите сцену... Бороздина не готова...

Василій Игнатьевичъ усѣлся на диванъ и экспромптомъ началъ рассказывать свои дорожныя впечатлѣнія. Публика хохотала до безконечности. Когда же рассказъ пришелъ къ концу, онъ началъ пѣть, послѣ пѣнія опять разговаривать. Наконецъ, все это ему надоѣло, и онъ искреннѣйше произнесъ:

— Фу, какая скука! Хотъ бы кто нибудь вышелъ...

Затѣмъ, явилась Бороздина, и водевилъ продолжался своимъ порядкомъ.

Живокини очень часто бывалъ въ Нижнемъ Новгородѣ и пользовался тамъ неограниченною любовью всего купечества. Отъ своихъ нижегородскихъ бенефисовъ онъ имѣлъ обыкновенно большой барышъ, благодаря очень умѣлой распродажѣ билетовъ. За недѣлю до бенефиса онъ устраивалъ въ ресторанѣ большой обѣдъ, на который приглашалъ всѣхъ именитыхъ купцовъ; поилъ ихъ дорогимъ виномъ, шампанскимъ, и когда тѣ приходили въ блаженное состояніе, онъ вынималъ торжественно изъ кармана билеты и продавалъ своимъ гостямъ. Разумѣется, торговля шла бойкая. Купцы другъ передъ другомъ щеголяли своею щедростью, и сотенныя бумажки въ изобиліи сыпались въ карманы находчиваго бенефицианта. Подобный обѣдъ Василю Игнатьевичу обходился въ двѣсти рублей, а собиралъ онъ съ него по тысячѣ—по двѣ и больше.

При этомъ будетъ умѣстно упомянуть о выходкѣ двухъ купцовъ съ ярмарки, которые въ спорѣ начали хвастаться своею любовью къ актерамъ.

— Я больше тебя актеровъ обожаю.

— Ну, врешь! Я больше...

— Анъ нѣтъ—я...

— Нѣтъ—я...

¹⁾ Евгенія Васильевна.

На другой день одинъ изъ купцовъ идетъ въ театръ и спрашиваетъ, много ли продано билетовъ на бенефисъ такого-то.

— Еще не было почину, — отвѣчаетъ кассиръ, — потому что рано: бенефисъ будетъ только черезъ четыре дня.

— Что стоятъ всѣ билеты?

Кассиръ сказалъ цифру полнаго сбора.

— На, вотъ получи за весь театръ, а билетики подавай сюда.

Забралъ купецъ всѣ бенефисные билеты и роздалъ ихъ бесплатно знакомымъ и незнакомымъ на ярмаркѣ.

Когда это дошло до другаго купца, онъ съ усмѣшкой сказалъ:

— Экая важность — откупить бенефисъ да потомъ устроить даровую раздачу билетовъ. Это не похвальба!

Дождался онъ слѣдующаго бенефиса, который выпалъ на долю мѣстной премьерши. Онъ точно такимъ же образомъ является въ театръ и заявляетъ кассиру:

— Билеты на этотъ бенефисъ всѣ за мной! Сколько нужно за нихъ уплатить?

Кассиръ сказалъ сумму.

Купецъ отдалъ за весь театръ и къ этому прибавилъ еще пятьсотъ рублей, каковыя и приказалъ передать бенефицианткѣ въ видѣ подарка. Выданные ему изъ кассы билеты онъ разорвалъ на клочки и на прощанье сказалъ кассиру:

— А теперь продавай снова!

Вотъ въ старину были какіе своеобразные меценаты.

А. Нильскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

